

Иван Карасёв

Девичье

горе

новеллы о любви
и не только

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иван Карасёв

**Девичье горе. Новеллы
о любви и не только**

«Автор»

2020

Карасёв И.

Девичье горе. Новеллы о любви и не только / И. Карасёв —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98395-3

"Девичье горе" - история молодой парижанки, полюбившей женатого человека на тридцать лет старше неё. Ей пришлось пройти через криминальный аборт, она была на грани отчаяния, когда встретила таксиста - бывшего белого офицера. О нелёгких женских судьбах повествуют и другие новеллы сборника – «Грустная история», «Ира Воробьёва», «Не сложилась жизнь у Али», «Аня Кравченко». А вот рассказы из серии «Инесса и ребята», «Папины пирожки», «Без ботинок» можно озаглавить строкой из песни «Ну как без них прожить?» Об этом девизе мужчин рассказ «Что такое Восьмое марта?» Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98395-3

© Карасёв И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Девичье горе	5
Грустная история	12
Ира Воробьёва	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Карасёв

Девичье горе. Новеллы о любви и не только

Девичье горе

Мелкий зимний дождик уныло моросил по парижской улице. Было мокро, противно и грустно. Казалось, зима, едва начавшись, будет продолжаться вечно, как вечен этот дождь, уже вторые сутки монотонно стучавший по гладкому асфальту. Кристиан, не обращая внимания на погоду, медленно брела по опустевшим вечерним улицам, возвращаясь со свиданья с Пьером. Она сама попросила не подвозить её, хотелось побыть одной. Нужно было попытаться как-нибудь успокоиться, пересилить страх будущего, даже не пересилить, а постараться свыкнуться с новой реальностью, в которую она вступала, не имея права повернуть назад. Дома же всё будет напоминать о её одиночестве. Пока получалось плохо, настроение ниже стрелки барометра в директорском кабинете, а она всегда показывала на дождь.

Разговор с Пьером оказался долгим, мучительным и, как следовало ожидать, абсолютно бесполезным. Никакого сколько-нибудь приемлемого для Кристиан варианта они, конечно, не нашли. Потому что его не было. Обсуждение беспокоившего их двоих вопроса всё время наталкивалось на одну и ту же проблему – семья Пьера. После того, как часы пробили 10 раз, Пьеру даже пришлось, взяв жетон у бармена, позвонить жене, чтобы та не волновалась. А Кристиан в очередной раз поняла, что он ничего не сделает. Всё останется, как прежде – вечером после работы пару часов он будет проводить с ней, такой же ласковый и заботливый, как всегда, потом сядет в свою машину и уедет домой, к Хильде. По субботам она его вообще не увидит, в этот день Пьер с женой занимается покупками, затем – обязательный субботний обед в кругу семьи и дети, которым тоже надо уделять внимание. Только по воскресеньям, когда Пьер уходит «играть в бильярд с друзьями», Кристиан будет проводить с ним немного больше времени.

Умом она понимала Пьера – в той семье у него росли дети. Старшая дочь, Катрин, уже почти взрослая девушка и, кажется, не нуждается в заботе родителей, но при этом, судя по рассказам Пьера, совершенно не готова к вступлению во взрослую жизнь. Тут важно было ничего не упустить, иначе потом придётся слишком дорого платить за собственную беспечность. Париж – город соблазнов, и молодые девушки часто попадают в его сети. Кристиан знала это по собственному опыту. А кроме дочери у Пьера есть ещё совсем маленький сын, к которому он очень привязан.

Конечно, нельзя ультимативно требовать от Пьера, чтобы он бросил своих детей, но как быть ей самой? Ребёнка она твёрдо решила оставить. Второй аборт себе просто не мыслила. После первого раза остались ужасные воспоминания. Страшной внешности женщина с двумя подбородками, взяв три стофранковых бумажки, куда-то исчезла и долго держала её в грязной прихожей, потом открыла дверь с отслаивающейся белой краской, нанесённой, наверное, ещё до войны, и крикнула: «Ну, иди, чего сидишь, или ты рожать надумала? – и скорее поняв по лицу девушки, чем услышав отрицательный ответ, добавила. – Деньги отдам, коли так, удержу только сто франков за визит, не думай, я работаю честно!» Кристиан усмехнулась про себя – визит к дипломированному врачу стоил не больше тридцати, а эта ценила себя намного дороже. Но, ничем не выдавая своих мыслей, она пошла, пошла туда, где будут убивать её не родившегося ребёнка.

В «операционной» было не намного чище, чем в прихожей. Из ведра в углу торчала окровавленная вата, там же валялась грязная половая тряпка. Кристиан чуть не повернула обратно. Мало того, что страшно, когда в тебе будут ковырять непонятными какими-то инструментами, но она, к тому же, слышала много историй про то, как молодые девушки не выживали после подпольных абортов. О том, что за такое можно попасть в тюрьму, она даже не думала, это казалось самым меньшим из зол. Но её лучшая подруга Клод оба аборта делала именно здесь, и Кристиан осталась. Потом за те долгие, казавшиеся вечностью минуты она не раз пожалела об этом, но изменить уже ничего не могла. «Одевайся, – сказала мадам Пайот, – в следующий раз приходи со своей простынёй, за такие деньги ещё и бельё стирать я не нанималась!»

«Нет, второго раза не будет! – сказала себе Кристиан. – Рожу и выращу сама, а он пусть делает, что хочет. Хочет жить с Хильдой, пусть живёт. Наконец, на нём свет клином не сошёлся!» Произнесла это мысленно и тут же спохватилась. Ведь она его любит, он такой милый, хороший, добрый. Ну и что, что у них тридцать лет разницы, бывает и больше, и ничего, живут себе люди. Вот и она бы хотела жить с Пьером, ходить с ним по субботам в магазины и на рынок, нянчить вместе общего ребёнка, ездить втроём в отпуск куда-нибудь в Овернь или в Бретань, на море. «Ах, когда же я на самом деле смогу уехать в отпуск? – подумала Кристиан. – Теперь ещё и ребёнок. С ним даже в родительской деревне не покажешься».

Но туда Кристиан и так не тянуло, слишком плохие воспоминания были с ней связаны, точнее не с деревней, а с братом, как-то заманившим её в деревянный сарай. Тогда она и в мыслях ничего подобного не могла предположить, даже если бы на месте брата оказался красавчик сосед, но как-то всё получилось само собой, она была слишком юной и неопытной. Даже следы крови не догадалась закидать соломой. В итоге, из деревни пришлось уехать в Париж. И здесь, десять лет спустя, она встретила Пьера.

Он очень отличался от тех мужчин, которые были в её жизни. Красивый, статный, всегда опрятно одетый, вежливый и предупредительный он быстро расположил девушку к себе. А когда пригласил её в ресторан, лишь в конце позволил себе нежно прикоснуться к кисти её руки, перед тем как подать пальто. Она была приятно поражена и покорена, вот мужчина, который не пытается сразу затащить в постель. Которому нравится говорить с ней, слушать её, рассказывать ей разные истории, которых у него имелось великое множество. Ещё бы – вырос в богатой семье, весело провёл юность, потом воевал, пять лет провёл в плену, после войны работал с бывшими каторжниками в Кайенне, в Южной Америке. И не пытался как смазливый блондинчик Жорж с предыдущей работы раздеть её прямо в нечистой машине с драными сиденьями. Поцеловал её только тогда, когда довёз до дома. Она ждала этого поцелуя и с готовностью ответила. А когда их губы разомкнулись, он внимательно посмотрел ей в глаза и спросил, не желает ли она провести с ним время в следующее воскресенье. Она желала. Тогда договорились поехать за город, на пикник. Кристиан знала, чем это кончится, знала, что у него есть семья, но ни минуты не раздумывала, согласилась сразу.

Теперь она носит в себе плод их любви, уже второй и не намеревается отказываться от него. За время знакомства и тесных отношений она поняла, что Пьер, при всех своих положительных качествах, не способен принимать радикальных решений, он будет тянуть, сколько сможет, такой уж человек, его не изменить. Она не хотела ставить ему ультиматумы, а значит, придётся рожать и одной растить ребёнка.

Дождь продолжал мерно стучать по тротуару, становилось зябко, короткий декабрьский день давно закончился, и сквозь неяркий свет уличных фонарей виднелись только серые стены и горевшие кое-где окна. Надо было что-то решать, хотя что? Она ведь уже всё решила, ребёнка оставит, второй раз на аборт не пойдёт. «Да, как сказать родителям? А никак, сами узнают, добрых людей хватает, они же ей почти не пишут, отец вообще перестанет интересоваться её судьбой, а мать? Мать, конечно, пожалеет, всё равно больше она ничего, равным счётом

ничего, сделать не сможет. Будет трудно вначале, пока ребёнок маленький, 14 недель отпуска по уходу за ребёнком не оплачиваются полностью, но поднакоплю денег, да и Пьер поможет».

В порядочности Пьера Кристиан не сомневалась, она уже успела убедиться в этом. Но то, что всю тяжесть предстоящего положения надо будет вынести фактически ей одной, она тоже знала и была морально готова к этому. Триста франков в месяц придётся отдавать за квартиру, ещё почти столько же возьмёт няня. На еду и одежду почти ничего не останется. «Буду брать работу на дом, – убеждала она себя, – машинистка всегда найдёт возможность приработка». Полностью зависеть от помощи Пьера не хотелось, не позволяла гордость, да и рассчитывать на неё особо не стоило, ведь ему семью кормить – двоих детей с неработающей Хильдой. Возвращаться в Нормандию она тоже не желала. Одно воспоминание о замерзшем каждым морозным зимним утром «жюле» – ночном горшке (два камина, конечно, совершенно не протапливали отцовский дом) отбивало всякую охоту жить с родителями. К тому же, как там появиться одной с «прицепом» и без мужа? Деревня таких вещей не понимает, особенно кюре с его нравоучительными проповедями. Нет, решение принято, она должна воспитывать ребёнка одна здесь, в Париже, и без помощи Пьера.

А Клод говорит, что надо избавиться от ребёнка. Ей хорошо, она красивая – блондинка с голубыми глазами, мужчины так и стелются перед ней, хотя замужество пока никто не предлагает. Видимо, есть женщины для семьи, а есть для телесных утех, и Клод почему-то второй вариант. Она тоже начинает думать о том, как выйти замуж и родить, хотя делает вид, что ещё рано ставить себе такие задачи, мол, всегда успеет. Но, похоже, статус вечной любовницы начинает ей надоедать. В последний раз чуть не расплакалась, когда рассказывала о поздних возвращениях домой своего киношника из "Гомона". Каждый вечер после работы тот веселится в баре с друзьями, гоняет кием бильярдные шары, тасует карты и приходит только, когда времени остаётся лишь на постель. А отговорка найдётся всегда – «мне надо расслабиться после напряжённой и нервной работы». Несомненно, только почему не с Клод? Лишь два-три раза в месяц они выходят вместе, и то надо выбирать – или кино, или ресторан. Поэтому по субботам, когда Пьер весь день с семьёй, две подружки ходят в кино вместе. Нет, дружок Клод, конечно, симпатичный малый и неженатый (огромный плюс!), но только использует он её, не больше. Кристиан мысленно пожала плечами: «Мне такой не нужен!» Уж лучше Пьер, обременённый семьёй, чем этот прожигатель жизни.

Дождик стучал всё яростнее, лёгкое пальтишко совсем промокло. Идти до дома было далеко. Автобусы уже почти не ходили, ждать своего, 95-го, в это время бесполезно. Она могла зайти в метро, но предпочитала идти пешком. Не хотелось спускаться в длинные, воняющие мочой коридоры, толкаться в грязных вагонах. Ей нужно всё ещё раз обдумать, спокойно прокрутить в голове «за» и «против», чтобы убедиться в правильности принятого решения. Она по-прежнему считала, что делает выбор, хотя её мысли уже были направлены только на то, как теперь жить в этой новой реальности. «Ничего, – сказала она вслух, – живут же другие, а я почему не справлюсь!» Действительно, смогла же она совсем ещё девчонкой устроить свою жизнь в незнакомом городе, получить востребованную профессию – всё не помыла в бюро господина Лёгро, а сидела в чистом кабинете за печатной машинкой, и о восьмистах франках в месяц её злосчастный братец может только мечтать, выгребая навоз из-под коров.

Но всё-таки пора спрятаться от дождя. Пальто до завтра точно не просохнет, придётся утром сушить его утюгом через тряпку. Кофточка тоже стала намокать, но с ней проще, можно одеть другую, ту, что подарил Пьер на день рождения. «Может, сесть в такси? – предложила она сама себе. – Рядом площадь де ля Мадлен, там всегда они стоят, даже ночью». Парижских таксистов Кристиан не любила, впрочем, других она и не знала. Но дурная слава о них далеко перешагнула границы города. За внешней вежливостью «Мадам, Мадмуазель, Месье, сильвупле» и так далее прятались примитивное хамство, неуёмная жадность и беспардонная наглость. До сих пор Кристиан с отвращением вспоминала как, остановившись на пустой ноч-

ной улице под предлогом проверки скатов, один таксист, судя по выговору откуда-то из-под Тулузы, попросил её выйти и подержать фонарик. Не успела она наклониться к колесу, как он схватил её за талию и начал лапать своими грязными ручищами. Еле удалось тогда вывернуться и убежать, а наглец ещё кричал вслед, надеясь, что его кто-то услышит: «Держите её, она не заплатила!»

В другой раз, когда она села в такси прямо у отеля после встречи с Пьером, шофёр принял её за проститутку – Пьеру требовалось срочно ехать домой, и он ушёл первым, пока она ещё приводила себя в порядок. Одинокая девушка, выходящая из дешёвой гостиницы, могла, конечно, вызвать такие ассоциации, но сиди и думай, что хочешь про себя да руки не распускай. Этот же, даже открывая дверь, норовил хлопнуть по мягкому месту, а потом в машине стал делать недвусмысленные предложения и вовсе распоясался на первом светофоре. «Нет, парижские таксисты изрядные сволочи, особенно наглеют в такое, как сейчас, позднее время, но ехать надо, ничего не поделаешь, а то ещё простужусь, не дай Бог! Только этого сейчас не хватало!» Последние сомнения в правильности принятого решения развеяло ощущение влаги на плечах, кофточка под пальто тоже полностью промокла.

Кристиан вышла на площадь, напротив входа в собор, на другой стороне проезжей части, стояла одинокая машина. Пожилой водитель явно поджидал какого-нибудь засидевшегося посетителя соседнего бара. Кристиан почти бегом подошла к такси:

– Вы свободны, мсье?

– Конечно, мадмуазель, Вам куда? – водитель предупредительно открыл заднюю дверцу. Худощавый и совершенно седой, с изящными старомодными бакенбардами, он совершенно не походил на типичного таксиста. Даже в его движениях прочитывалась какая-то элегантность совсем нехарактерная для парижских шоферюг.

– Наверное, Рю Маркаде, 226. Да, пожалуй, туда.

Вместо ответа, таксист склонил голову, выражая тем самым полное повиновение желанию клиента, аккуратно, почти бесшумно захлопнул дверь за Кристиан, занял своё место и завёл мотор.

В машине было чисто, никаких следов бардака, столь частого спутника шофёров, и, самое главное, не накурено. Кристиан сама уже дымила всю лет шесть, но не переносила прокуренных салонов автомобилей и комнат отелей, в которых они встречались с Пьером. К ней, в её маленькую квартирку, Пьер не очень любил ходить, консьержка отличалась неумеренным любопытством и чрезмерной болтливостью. Возможно потому, что нужно было всякий раз идти с любимым человеком в обшарпанный номер отеля, Кристиан и не переносила, не любила этих гостиниц со стойким запахом табака в номерах. Как хотелось принять его у себя дома, наготовить вкусной еды (а хозяйничать на кухне Кристиан умела), никуда не торопиться, уложить спать рядом с собой, ощущать тепло любимого человека всю ночь, а утром, нежась в кровати, когда Пьер уже встанет, ждать его возвращения с большой чашкой ароматного кофе в руке. Для неё! Но это было недостижимо, как звёзды на небе, она не могла требовать ничего такого.

Водитель включил первую передачу и отпустил сцепление. Машина тронулась. В полутьме Кристиан то и дело ощущала на себе его взгляд – на зеркало заднего вида часто попадали лучики света ночного города. «И этот сейчас начнёт приставать или, в лучшем случае, лезть с какими-нибудь дурацкими вопросами!»

– Мне кажется, что мадмуазель не очень хорошо? У Вас всё в порядке?

– Спасибо, всё хорошо.

– Мадмуазель уверена? Я могу помочь, если что, после Вас я всё равно собирался ехать домой.

Кристиан уловила в последних словах лёгкий акцент. Наверное, он пробивался и раньше, но погружённая в свои проблемы девушка оставила его без внимания. Даже не акцент, а своеобразная тягучая манера говорить, кажется, так произносят слова в Бургундии.

– Вы из Бургундии, мсье?

– Нет, мадмуазель, Вы не угадали, совсем не оттуда.

Кристиан стало любопытно, но она почувствовала, что её спутник не желает говорить о своём происхождении. «Значит, иностранец», – решила она. Жена Пьера тоже немка, он рассказывал, как ей трудно приходилось во Франции после войны, отчасти из-за этого они и уехали в Кайенну. Конечно, быть немкой во Франции в такое время не самое большое удовольствие. Да что там немкой, Кристиан собственными глазами видела, как в Лизьё брили налысо двух женщин, вся вина которых состояла лишь в том, что в оккупации они жили с немцами. А потом их голыми и обритыми во всех местах гоняли по городу. Толпа почему-то веселилась. Отовсюду раздавалось улюлюканье. Тогда шестилетней девчонкой она не могла понять причины подобного способа веселья, впрочем, мама быстро утатила её с главной площади, где начиналось это действо. А приедь она сейчас в деревню, с пузом, её вполне могут посчитать неудачливой парижской шлюхой. Нет, никто тронуть не посмеет, времена нынче не те, но местные бабы будут отворачиваться при встрече, а потом провожать недвусмысленными взглядами и долго-долго шушукаться вслед. Заказана туда ей дорога, а насколько проще всё было бы с мамой, уж она бы поняла и приняла. Кристиан сама не заметила, как одинокая слезинка скатилась с правого глаза.

Мелькнули встречные фары, водитель почему-то затормозил и обернулся к ней. «Ну вот, сейчас начнёт приставать, а до дому ещё порядком ехать».

– Мадмуазель, я старый человек и не люблю, когда плачут молодые симпатичные девушки. Вам есть где ночевать?

«Боже, он точно принял меня за проститутку!» – промелькнуло в голове Кристиан.

– Я не та, за кого Вы меня принимаете... (Je ne suis pas celle que vous croyez), – сорвалась с языка расхожая во Франции женская фраза, но на последнем слоге Кристиан осеклась. Водитель включил свет, и она увидела его лицо – участливое и доброе. – О, извините! Просто иногда таксисты пристаю́т в машинах.

– Я догадываюсь, нет, я хотел сказать, что если Вам негде ночевать, то у меня есть свободная комната. Точнее, не у меня, но есть. – Кристиан не отвечала, тогда он продолжил. – Я снимаю квартиру с другом, а он сейчас в больнице, беспокоит старая рана, больше сорока лет прошло, знаете ли, а время нас всё равно догоняет, от него не убежишь.

– Спасибо, у меня есть квартира. Вы очень любезны, – сказала она и, не выдержав, расплакалась.

Слёзы сами потекли из её глаз, она даже не поняла, как это произошло. Наверное, неожиданное участие и готовность помочь со стороны совсем незнакомого человека, к тому же таксиста, пробили какую-то стену внутри неё. Кристиан плакала, даже не вытирая слёзы, просто обхватила руками раскрасневшееся в тепле лицо и дала волю чувствам. Плечи её подрагивали, она почти беззвучно всхлипывала, не обращая внимания на шофёра такси. Тот молча смотрел на девушку, понимая, что говорить в таких случаях бесполезно. Наконец, Кристиан стала успокаиваться, вытерла лицо, но время от времени она ещё продолжала вздрагивать. Таксист заговорил.

– У Вас будет ребёнок?

– Да-а, – протянула Кристиан.

– И Ваш мужчина не хочет на Вас жениться?

– Да-а! Не может.

– Он женат, и у него есть дети?

– Да-а, – произнесла Кристиан, всплпнув в последний раз.

– Это такая банальная ситуация, знаете ли. Но Вы, наверное, сможете справиться сама? Конечно, Вам будет трудно, но мне почему-то кажется, что Вы всего добиваетесь сами.

«Как этот иностранец видит всё насквозь!» – удивилась про себя Кристиан и кивнула в ответ на его вопрос.

– Тогда позвольте мне сказать, что Вы напрасно мучаете себя. Вы даже представить себе не можете, как ничтожны Ваши беды! Ведь Вы дадите жизнь человеку! Это счастье! И, конечно, временные трудности, которые Вас ожидают, никак не сравнимы с бедами, которые приносит смерть близких людей. Я могу Вам немного рассказать о себе? Возможно, это придаст Вам силы.

– Пожалуйста, мсье, – Кристиан не хотела слушать чужие истории, ей было совершенно не до того, но от разговора с этим таксистом она начала успокаиваться.

– Спасибо, меня иногда тянет излить кому-нибудь душу. Вот Вы плачете потому, что у Вас будет ребёнок, а я иногда позволяю себе выпить в одиночестве целую бутылку кальвадоса только потому, что у меня нет семьи и нет детей, и уже никогда не будет. Понимаете, насколько относительно человеческие проблемы? Вы горюете из-за того, что родится ребёнок, а я напиваюсь вдрызг из-за того, что его нет и не никогда не будет!

– У нас, наверное, разные жизненные ситуации? – робко заметила Кристиан.

– Вы совершенно правы, моя жена умерла от туберкулёза почти сорок лет назад, после её смерти долгое время я даже не искал другую женщину, да и работа отнимала все силы, если честно. Я был шахтёром в Рубе. Тяжёлая, утомительная работа и постоянные ссоры с поляками, тоже там работавшими. Они нас не любили. Там я заболел и прозябал в нищете – денег не хватало даже на лечение, не говоря обо всём остальном. Хорошо, помог друг, тот самый, что сейчас в больнице, если бы не он, я бы, скорее всего, умер.

– Неужели, у Вас совсем нет родственников, близких людей? – спросила Кристиан.

– Увы, у меня нет даже племянников. Мой брат погиб в Крыму, в двадцатом году.

Кристиан знала только одноимённую улицу в Париже, и кое-что слышала про Крымскую войну, теперь она связала эти два названия.

– Это в России?

– Да, оттуда, до войны четырнадцатого-восемнадцатого годов я был обеспеченным человеком, отец мой служил важным сановником, а я – офицером в гвардейском полку. У нас было всё – небольшое родовое имение, хорошая дача под Петербургом, огромная квартира в центре города, четыре человека прислуги. Тогда я не хотел замечать, что у многих ничего такого не было, а на окраинах города в хибарах жила беднота, мне просто казалось, что так устроен мир. Потом те, у кого ничего не было, расстреляли моего отца, а мать, ослабленная голодом, умерла от простой инфекции.

– Извините, мсье, – рассказ незнакомца начинал захватывать Кристиан, и она даже стала забывать о своих невзгодах, – ваш отец в чём-то провинился перед новыми властями? – Она немного читала о революции в России.

– Только в том, что он оказался заложником. Летом восемнадцатого года в Петербурге убили одного важного большевика, за что были взяты заложники, из тех, кого власти считали своими потенциальными врагами. Мой отец попал в этот список, его казнили вместе с несколькими сотнями других несчастных. Мне повезло только потому, что я к тому времени покинул Петроград и присоединился к противникам режима. Да, ещё у меня была сестра, но она пропала, после смерти матери она оставила Петроград, то есть Петербург. С тех пор я о ней не знаю ничего. Даже о том, что умерла мать, я услышал позже от чужих людей. А мой друг, тот, что сейчас в больнице, тогда потерял жену и ребёнка. Они умерли от тифа, как сотни тысяч других людей в России. Я Вам всё это говорю, чтобы Вы лучше осознали: рождение нового человека – это не беда. Беда – когда человек умирает, особенно преждевременно, ещё хуже, когда умирает молодым. Жутко терять близких людей, а Вы имеете счастье обрести ребёнка.

Вы пока не представляете, какое это счастье. Конечно, Вам будет трудно, но я уже говорил, я верю, что Вы справитесь. Однако я заболтался, извините меня, я повторюсь, иногда хочется излить кому-нибудь душу. Ведь я Вам так завидую!

Кристиан улыбнулась, действительно, насколько на свете всё относительно, и все её беды на самом деле показались ей не такими уж страшными. «Справлюсь сама!» – на этот раз уверенно сказала она себе, повторяя слова незнакомца. «Я смогу, спасибо тебе, русский таксист! Я ни за что не буду делать аборт! Слышишь, Клод! Ты увидишь, я смогу!»

Водитель бесшумно тронул, машина поехала по ночным улицам. Дождь еле слышно стучал по крыше машины, «дворники» монотонно смывали капли с ветрового стекла. На тёмном асфальте вода стекала в боковые канавки, а оттуда в люки ливневой канализации. Всё было как всегда. Обычный пейзаж, обычный мелкий зимний дождь. Ничего особенного. Так часто бывает зимними вечерами, ночами и днями, с той лишь разницей, что днём сквозь сплошные облака всё же пробивается немного солнечного света, и поэтому тогда даже в плохую погоду город кажется чуть веселее.

«Вот и приехали», – поглощённая созерцанием ночи Кристиан не успела шевельнуться, как шофёр услужливо распахнул дверцу.

– До свидания, мадам, всё будет у вас хорошо!

– Подождите, а деньги, – почти крикнула Кристиан вслед садившемуся в машину водителю.

– Оставьте их себе, – опять повернувшись к ней, сказал русский, – вас ведь уже двое, мне хватает, теперь даже за лечение друга платить не надо, а разбогатеть снова всё равно не удастся.

И, сняв кепку, он молча взял её кисть в свою ладонь, поднёс к губам, поцеловал руку и исчез в темноте неосвещённой машины. Кристиан была ошеломлена, до этого она только в кино видела такое. «Я даже не спросила его имени!» Не обращая внимания на дождь, совсем промокшая девушка провожала глазами удаляющееся такси. Потом ещё долго в её сознании стояла картина склонившего непокрытую голову посреди ночной парижской улицы седого человека с бакенбардами.

P.S. Пьер пришёл жить к Кристиан, лишь когда их общему ребёнку исполнилось семнадцать лет, официально он до самой смерти оставался женатым на Хильде.

Подруга Клод так и не смогла создать семью, её последний мужчина, прожив с ней лет десять, бросил её, когда Клод было под пятьдесят, сказав, что она сильно расплнела.

Грустная история

Они были молоды и бесконечно девственны. Второй курс, наивная любовь, трепетные ожидания свиданий, переполнявшее душу счастье даже от случайных встреч в коридоре общежития. Оба жаждали любви, искали её, их молодые сердца рвались к ней, чувства выплёскивались наружу из брэнного панциря тел. Но, когда они стали встречаться, робость неопытных новичков сковывала их порывы. Он думал, что она только слегка кокетничает с ним и не желал открываться раньше времени, она боялась сказать первой то, что хотела кричать на весь мир. Он ловил её между лекциями, поджидал в студенческой столовой, приходил в гости в её комнату, как будто ко всем девчонкам, а не к ней одной. Она тоже иногда вроде бы совершенно случайно встречала его на кухне, услышав от соседок, что ребята из пятидесят шестой комнаты готовят себе ужин, или намеренно выходила в коридор и неподалеку от двери с цифрами 56 заговаривала с проходящими мимо, чтобы он услышал и вышел. Несколько раз он её приглашал в кафе-мороженое, где заказывал больно бившее по студенческому бюджету шампанское по рубль пятьдесят за бокал, там даже два стакана апельсинового сока тянули на рубль. Но говорили о чём угодно, только не о том, что хотели сказать друг другу.

И во время совместного празднования Нового Года в общежитии, когда в самой вместительной комнате их однокурсников, собралось человек пятнадцать, они сидели рядом и лишь изредка перебрасывались ничего не значащими фразами. Вокруг все веселились, шутили, хохотали, поднимали новогодние тосты, а они лишь изредка улыбались. Не потому, что не хотели смеяться, не потому, что не ощущали атмосферы прекрасного зимнего праздника, а из-за неумения каждого из них подвести разговор к тому, что волновало больше всего. Из-за его неспособности встать, взять её за руку и вывести в уединённое место где-нибудь на чёрной лестнице. А там прижать к себе, сказать: «Я тебя люблю!» и поцеловать в первый раз. А потом вернуться, прилюдно держась за руки, не стесняясь ничьих взглядов, сесть на свои места и, приобнявшись, наслаждаться тихим счастьем от ощущения тепла любимого человека.

Вместо этого он начал налегать на бутылку «Спотыкача», как будто специально купленную для такой цели, она – больше разговаривать с соседями по столу, которых только что ещё почти не замечала. Наконец, почувствовав сильное опьянение и страшное ожесточение против самого себя, он, сухо попросившись, ушёл спать. Она лишь разочарованно проводила его... взглядом. Сосед по комнате, вьетнамец лет тридцати, прошедший войну в Кампучии, глядя на него, улыбнулся и произнёс: «Не грусти, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!» Старшие и более опытные ребята изредка позволяли себе подшутить над его беспомощностью в разрешении женского вопроса.

Утром проснулся рано – раскалывалась голова. «А не надо было ложиться спать под шофе!», – учил его более продвинутый в вопросе товарищ. Но хуже головной боли было понимание того, что всё могло пойти совсем не так, что он упустил верный шанс выложить ей всё, глядя прямо в глаза.

Не одного его сжигали горькая досада и злость на самого себя. Новый Год не всегда и не всем приносит радость и счастье. Некоторым потом приходится горько жалеть о происшедшем в предназначенную для веселья ночь. На совершенно пустой в десять утра парадной лестнице общежития, которое когда-то было доходным или публичным (никто толком не знал) домом, на подоконнике большого окна сидел, схватив себя за голову, дежурный преподаватель, определённый деканатом для поддержания порядка в новогоднюю ночь. Начав со скромной рюмочки у своего ученика-старшекурсника «Ну, одну всего, Михаил Фёдорович!», он продолжил в других комнатах и закончил пьяной дракой из-за девушки со студентом с другого факультета. Изрядно поднабравшийся дежурный попробовал решить за молодую особу с кем та должна танцевать. Пришлось студентам спасти своего «главного по порядку» от кулаков здорового

химика, кое-кому даже слегка досталось. Рядом с незадачливым дежурным сидел сменщик и, судя по всему, пытался успокоить коллегу, но история, наверняка получит огласку – мир, как известно, не без добрых людей.

Но какое дело нашим героям до чужих бед, когда теперь придётся ждать новой возможности, а она представится явно нескоро. Впереди экзамены и каникулы, все разъедутся по домам. Для влюблённых ведь и месяц ожидания – огромный срок. А для юных жертв Купидона – почти приговор.

Она тоже ушла с празднования раньше других, расстроенная тем, как всё обернулось. Подруги не пытались её удерживать, все понимали причину. На следующий день она искала встречи, но зайти к нему в комнату не решилась. Да там его и не было, с утра боролся с головной болью – дышал свежим воздухом, гуляя по набережной, потом не выдержал и поехал в дежурную аптеку на Невском за спасительным парацетамолом, ему полегчало, и он пошёл в общежитский читальный зал – готовиться к первому экзамену.

Только на экскурсии в Выборге, почти два месяца спустя, они, наконец, быстро, почти украдкой поцеловались под серыми стенами замка, с другой стороны которого бродили трое приехавших с ними сокурсников. Но тут же, как будто испугавшись собственной смелости, отпрянули друг от друга. Он посмотрел в такие близкие и в то же время уже далёкие глаза любимого человека, она посмотрела в его глаза, такие близкие и тоже уже такие далёкие, снова обнялись в порыве страсти и крепко прижались друг к другу, настолько крепко, насколько позволяла толстая зимняя одежда. Её не пробивали руки, так жаждавшие почувствовать тепло молодого тела. Даже тогда они ничего не сказали друг другу, а только стояли на морозе, обнявшись все подаренные им минут пятнадцать, пока не услышали голоса. Они с трудом разжали объятия, вымученно завели разговор о местных достопримечательностях и двинулись навстречу. Однокурсники медленно появились у ворот, специально давая им время сделать вид, что ничего не произошло. Хотя их тайна не являлась таковой ни для кого из друзей, но ещё в Новый Год многие заметили молчаливую размолвку, и их оставили вдвоём почти намеренно. Все понимали, что они воспользуются возможностью побыть наедине.

В тот день больше ничего не произошло, случай не представился, а как хотелось ещё раз прижаться телами, пусть и укутанными непробиваемыми и ужасно тяжёлыми зимними доспехами. Как хотелось прикоснуться щеками, ощутить на лице его (её) руку, найти губами губы и замереть в сладком и бесконечно долгом поцелуе! Но пора было идти на вокзал, затем почти три часа трястись в холодной электричке, потом в метро. В общежитии после обычной вечерней суеты – ужин, его очередь мыть посуду, торопливый повтор «тысяч» перед английским – он сразу не решился вызвать её на разговор, чтобы, наконец, расставить все точки над «i». Но, даже вымучивая страницы осточертевшего до невозможности британского исследователя Африки, он думал только о ней, и картины жизни пигмеев совершенно не вырисовывались в его усталом сознании. В конце концов, пересилив себя, подошёл к двери в её комнату и тут увидел плавно выплывшую из-за поворота в ночном халатике другую обитательницу той же коллективной девичьей спальни. Сразу сделал вид, что лишь проходит мимо и получил в ответ на приветствие хитроватую ухмылку и пожелание спокойной ночи. Время за полночь, народ ложился спать. Завтра иностранный язык стоял первой парой у всего курса – его трудно было пропускать безнаказанно.

Тем не менее он твёрдо решил любой ценой перехватить её в университете и поставить вопрос ребром. Они встретились около гардероба после занятий. Отошли в сторонку – мирно беседующая пара в этом месте не привлекала лишнего внимания. Но он опять смалодушничал – не смог заставить себя прилюдно обнять и поцеловать её, это не стало бы из ряда вон выходящим явлением на факультете, тем более внизу, около входа, где не было аудиторий и студенты не валили толпами с лекций и семинаров. Вместо этого он стал мямлить о каких-то серьёзных отношениях, которые не должны обязательно вести к браку, другие, мол, смотри,

почему-то могут так. Она слушала и не верила своим ушам – видимо, ей предлагают лечь в постель просто, чтобы попробовать физическую сторону отношений мужчины и женщины, вот это и есть любовь? Она уклончиво ответила, что всё может быть, но пока она не готова к радикальным решениям. Разошлись ни с чем. Он опять подумал, что его лишь водят за нос – девушке нужно иметь пристойного кавалера, так перед подругами есть чем похвастать, а она посчитала, что слишком рано теряет голову из-за него. Вдруг он совсем не такой, каким она его себе придумала.

После этого разговора он решил выдержать паузу и перестал ловить её повсюду, заговаривать с ней при первой же возможности. Она увидела в этом подтверждение своих опасений и тоже не делала первого шага навстречу. Лишь иногда ей хотелось подойти и спросить его в лоб: «Я для тебя что-то значу?». Но девичья гордость была выше, и они постепенно отдалялись друг от друга. Потом наступило лето, они разъехались по разным экспедициям, и их дорожки разошлись, казалось, окончательно. Три последующих года учёбы они просто здоровались, потом распределились в разные города.

Прошло почти двадцать лет, оба выслушали вальс Мендельсона в ЗАГСе, он женился на своей избраннице, она вышла замуж за своего, как тогда казалось, суженого. Обзавелись потомством, развелись, она осталась одна с подрастающими детьми, он женился ещё раз, сменил несколько точек на карте мира, пока не обосновался в городе, где они вместе учились. В это время бывшие однокурсники начинают ценить отношения со своими старыми университетскими друзьями и знакомыми.

Уже прошли две встречи выпускников – на десять и на пятнадцать лет после окончания. По разным причинам они там не увиделись. Но на последней он стал расспрашивать, что о ней известно. Оказалось, бывает в городе, но только осенью и зимой, летом у неё раскопки. Сам не зная зачем, он попросил дать ей свой телефон при случае. И осенью она позвонила, как всегда бывает в подобных ситуациях, совершенно неожиданно. Слегка растерявшись, он пригласил её к себе домой. Она не отказалась и приехала. «Боже мой, ведь совершенно не изменилась!» – подумал он. Действительно, всё то же детское слегка восторженное лицо, ни одной заметной морщинки, стройная фигура, несмотря на стучавшийся в двери сороковник и двойную беременность. Она тоже отметила для себя, что годы пощадили его, а обаятельная улыбка и в старости будет, наверное, не оставлять женщин равнодушными. Они мило поговорили, вспомнили прошлое, его жена накрыла стол, выпили по рюмочке-другой. Но ей надо было уезжать, и она стала собираться, но делала это как-то неловко, рассеянно, то портфель забудет, то шарф в него засунет вместо того, чтобы повязать на положенное место – она явно думала о другом. Он понял – надо поговорить, вышел проводить. Но разговор опять не клеился, и только тогда, когда поймали такси, и он дал таксисту деньги вперёд, не позволив ей возразить, только тогда, прощаясь, они слились в неожиданном долгом поцелуе. Лишь когда уставший ждать шофёр деликатно кашлянул, их губы разомкнулись, они посмотрели друг другу в глаза. Он почувствовал, что хочет совершить безумие, что не способен удержать себя и сейчас уедет с ней, как минимум, на ночь, а может быть и навсегда. Но она уже всё решила за них, точнее так решила её жизнь:

– Мне пора, я не могу пропустить поезд.

– Звони, – сказал он.

– Приезжай в Тверь, – ответила она.

Она не позвонила, он, конечно, не приехал.

Прошло ещё пятнадцать лет, однокурсники отмечали тридцатник. Кое-кого уже не стало. Пришедшим давали бейджики, на которых они писали свои имена и фамилии, потому что узнать многих было уже невозможно. На этот раз она смогла приехать, руководящая должность позволяла оставить экспедицию на пару дней. Он тоже пришёл, никогда не пропускал такие мероприятия. Он постарел и обзавёлся животиком, но выглядел ещё хорошо для своих лет,

хотя мешки под глазами выдавали неумеренное пристрастие к спиртному – он больше времени проводил в обнимку не с женой, а с бутылкой виски.

Она по-прежнему была хороша, явная королева бала среди однокурсниц. Те ей откровенно завидовали и, не стесняясь, спрашивали, как удаётся добиться такого, какие кремы, какие спа, какой вид фитнес помог. Она улыбалась и говорила: «Никакой, только шесть месяцев в году на свежем воздухе, физический труд и деревенская пища!» Подруги огорчённо вздыхали: «Ну кто же может себе позволить такое!» Далеко не все замечали её слегка скрюченные, поражённые артритом пальцы.

В этот раз она специально остановилась не у друзей, сняла номер в гостинице. Когда удивлённая подруга спросила зачем, она ответила коротко: «Не знаю». Она действительно не понимала зачем, только какое-то внутреннее чувство ей подсказывало, что так будет лучше.

Однокурсники встречались в большом зале ресторана. Царила атмосфера семейного праздника – бывшие однокашники жали друг другу руки, обнимались, целовались. Она подошла к нему, после радостных восклицаний они тоже поцеловались – она без стеснения подвела свои губы к его губам, и он не стал сопротивляться такому откровенному предложению. Длительный дольше положенного, но внешне совершенно естественный, поцелуй старых друзей, заставил затрепетать их сердца. Теперь они уже не разлучались во время всего празднования, и когда народ стал рассаживаться у длинного, накрытого белой скатертью стола с многочисленными закусками, они сели рядом. Она незаметно положила руку на его бедро. Он положил свою руку сверху. Она посмотрела ему в глаза, он не отвёл их. Всё время болтали, весёлые и довольные. Так они и сидели вместе, почти не обращая внимания на других. Лишь изредка покидали своё место для того, чтобы переброситься парой фраз со старыми приятелями и друзьями. Наконец, когда однокурсники начали расходиться, она взяла его за руку и сказала:

– Пойдём ко мне, у меня номер в гостинице, здесь, недалеко.

Он хотел было сказать: «Конечно, это прекрасная идея!». Но ему уже было за пятьдесят, и в этот раз мозг начал сразу просчитывать все возможные последствия, он испугался, и сказал:

– Нет, извини, я не могу.

Она не поняла:

– Ты что считаешь, что в отеле это пошло, недостойно? Брось, нам уже терять нечего, нам бы себя найти!

– Нет, не могу, слишком поздно всё это, прости!

Он быстро, не давая ей опомниться, поцеловал её длинным, сочным поцелуем и, не прощаясь ни с кем больше, ушёл, почти убежал. А она неподвижно стояла среди шумного и весёлого зала, где опять обнимались, жали руки, целовались, целовались гораздо больше и откровеннее, чем при встрече, стояла, и маленькие слезинки наворачивались в её глазах. Но потрепанная её жизнь научила держать удары и, незаметно смахнув мокроту с глаз, она, как ни в чём не бывало, подключилась к разговору подруг, стоявших рядом.

– А давайте, девки, продолжим у меня дома, – предложила одна из них, – время-то ещё совсем детское.

– А давайте, – сказала она, подошла к длинному столу, не глядя взяла первую попавшуюся стопку водки, которых там оставалось немало, и опрокинула её содержимое в себя, – какие наши годы, гуляем, девочки!

Ира Воробьёва

Когда Ире Воробьёвой исполнилось девятнадцать лет, она встретила свою первую любовь. Нет, лёгкие увлечения бывали и раньше, но на поверку все они все были скоротечными и не вызывали глубокого чувства. Выглядевший в первые дни знакомства вполне привлекательным и интересным парень, оказывался при ближайшем рассмотрении или чудачком, повёрнутым на мотоциклах, например, или просто скучным человеком, который хотел от девушек только одно. Поэтому все Ирины романы обрывались, даже не начавшись. Она ещё и не целовалась ни разу, хотя две девчонки из их спортивного класса уже не только успели потискаться с мальчиками где-нибудь в парке, а пошли гораздо дальше и заделались «звёздами» бара гостиницы «Интурист» со всеми вытекающими последствиями. Когда они встречали Иру, звали её туда: «Приходи, Ир, с иностранцами познакомим!» Но Ира не завидовала их золотым цепочкам, хотя, конечно, она бы не отказалась, но не такой ценой.

Саша Соколов совершенно не походил на её прежних парней – высокий, статный, красивый брюнет с голубыми глазами, ну прям герой какого-нибудь югославского фильма, и к тому же человек начитанный и эрудированный. Особой его страстью была гребля, он всё знал о ней, мог часами рассказывать про чемпионов, про традиции и уровень этого спорта в разных странах. А надо сказать, что академической греблей Ира занималась с девятого класса. Начала она с плавания, но в восьмом классе результаты, как говорится, «встали», бесперспективных в школе со спортивным уклоном не держали и, чтобы не покинуть своих подруг, она, по совету классной, сменила профиль. Тут стало получаться лучше, в лодке-двойке, уже учась в институте, один раз выиграла областные соревнования, и её начали посылать на всероссийские, а потом и на всесоюзные. Там она немного не дотягивала до мест, с которых уже отправляли и на Европу, и на мир, но несколько лет ещё имелось в запасе, и Ира работала, работала много, напряжённо. Вот на одной всесоюзной спартакиаде Ира Воробьёва и встретила Сашу Соколова.

Он сам подошёл к ней с напарницей после тренировки. Не обиженный вниманием девушек, он держался раскованно и просто, но без излишней фамильярности:

– Привет, девчонки, вы из Новгорода?

– Да, – коротко ответила Ира, а подруга промолчала, ей не очень нравились красавчики киношного типа.

– Красивый город, я там был, ездили на соревнования в прошлом году, на «Майскую регату».

– Так мы наверняка встречались, мы же тоже там участвовали, а Вы откуда?

– Зачем так официально, Саша меня зовут, учусь в Ленинграде.

Зашёл разговор о двух городах, Ире нравился Ленинград, куда она неоднократно ездила на соревнования и с классом пару раз на экскурсии. Подружка не поддержала беседу, ушла в гостиницу, Ира осталась вдвоём с Сашей. Они ходили по тихим улочкам около гребной базы, рассказывали друг другу свои истории, всё больше про случаи из их «гребной» жизни, смеялись и шутили. Особенно старался Саша. А она так заслушалась, что чуть не ступила прямо в огромную лужу, но Саша аккуратно подхватил её за талию и повернул в обход. Он быстро покорила её, уже через полчаса Ира поняла, что втрескалась по самые уши. Однако решила не спешить, а попробовать разобраться с собой и, сославшись на усталость и завтрашние соревнования, стала прощаться с ним. Напрасно он приглашал где-нибудь присесть и попить чаю с пирожными, мол, стоя разговаривать неудобно. Ира не уступала, она чувствовала, что улетаёт очень далеко и, чтобы не совершить глупость, оставила молодого человека, пообещав встретиться завтра. Потом поражённая стрелами Амура девушка долго бродила одна по улицам чужого города.

Несмотря на усталость, она не сразу смогла уснуть в тот вечер, а проснувшись утром, опять стала думать о Саше и окончательно поняла, что ничего изменить уже не в силах. Да и зачем? Красивый, умный, предупредительный, вот только живёт в другом городе. Но это поправимо. Ира встала с кровати, в голове свербила лишь одна мысль: как пройдёт сегодняшней вечер с Сашей. В мыслях был только он, всё остальное, даже результат дневного заезда, стало каким-то не очень важным. И то, что подружка может обидеться – тоже, хотя они всегда в поездках гуляли вместе, если позволяла погода.

Перед свиданием Ира успела переодеться, надев самую красивую свою кофточку, которую, как будто предчувствуя что-то, специально положила в чемодан, собираясь в дорогу. Но Саша её перещеголял – нельзя сказать, что он был одет модно и с претензией, откуда у иногороднего студента деньги на дорогие джинсы. Однако в белой приталенной сорочке с неожиданным, скруглённым по углам воротником и в чёрных, тщательно выглаженных брюках, он выглядел безукоризненно. Тем же вечером Саша её поцеловал, уже стемнело, огни редких уличных фонарей не помешали укрыться от посторонних глаз. При дневном свете Ира бы, наверное, не решилась даже обниматься посреди улицы. Всё произошло неожиданно – вдруг, не договорив предложение, он замолк, повернулся лицом к ней, поднёс свои руки к её лицу, провёл ладонью по щеке, слегка приобнял, притянул к себе, осторожно коснулся её губ своими губами и уже долго не отпускал их. Ира даже не думала сопротивляться, она ждала этого момента и оторвалась от Сашиного лица только, когда стало не хватать воздуха в лёгких.

Они начали встречаться, вместе проводили любой свободный от соревнований момент. Конечно, это было совсем непросто. Мужчины и женщины состязались в мастерстве академической гребли в разное время и, когда у Иры выдавался свободный час, он почти всегда оказывался занятым у Саши. Только вечера гарантированно давали возможность ходить по плохо освещённым улицам и целоваться почти каждые пять минут. К счастью, погода благоприятствовала такому времяпрепровождению. Нет, Саша, конечно, не раз предлагал зайти в кафе-мороженое, единственное, похожее, на весь район, а потому переполненное желающими полакомиться самым доступным деликатесным продуктом советской пищевой промышленности. Ира отказывалась, она предпочитала оставаться вдвоём и наслаждаться их сладким одиночеством на быстро пустеющих улицах вечернего провинциального города.

Но, как известно, всему приходит конец, закончились и выступления гребцов. Саша показал неплохой результат, совсем близко к подиуму подобрался, чуть-чуть не хватило, поэтому его похвалили, все надеялись, что в следующий раз будет лучше, а Ира с напарницей опять не попала в первую десятку. Но она не очень расстраивалась, ведь теперь у неё был Саша. Правда, влюблённых ждала разлука. Утешало только то, что расстояние между их городами по меркам страны не очень большое, всего-то три-четыре часа на автобусе или на поезде. Это позволяло обернуться в оба конца до ночи. Но для поездки нужно ещё время, да как его найти, когда каждый день тренировки, а пропускать нельзя. Тем не менее, Ира, воспользовавшись первым же насморком, взяла справку, дала телеграмму и на следующий день рванула в Ленинград. Саша встретил её, и они очень мило провели время, гуляя по Летнему саду, однако проводить Иру он не смог, спешил на гребную базу. Но она убедилась, что в их отношениях ничего не изменилось, и теперь появлялась в Ленинграде довольно регулярно, манкируя порой подготовкой к очередному первенству.

Когда они встречались, Саша старался показать ей все любимые уголки этого красивейшего города. Он водил её в музеи, на выставки и всюду демонстрировал образцовые манеры – поддерживал, когда она выходила из автобуса, открывал двери, пропуская вперёд, элегантно брал под руку на улице. На них засматривались прохожие, и Ира, не без удовлетворения угадывала зависть в глазах встречных девушек, там так и читалось: «Какой красивый и галантный кавалер у неё!» Много времени они проводили в одном из парков центральной части города, где целовались или просто сидели, прижавшись друг к другу. Иногда, если не было большой

очереди, заходили в «Лягушатник» на Невском, поесть там самого вкусного в Ленинграде мороженого. Несколько раз забегали в Сашино общежитие, в комнате как по заказу никого не оказывалось, то ли Саша сознательно подбирал такое время, то ли договаривался с соседями. Там они целовались без остановки, Саша давал волю рукам, но на большее Ира не соглашалась. Потом она ехала на вокзал, а он обычно доводил её до автобуса, только изредка мог проводить до вагона. Но чаще всего, ему нужно было куда-то бежать, ведь он, в отличие от Иры, тренировки не пропускал, и девушка покидала большой город в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.